

Андрей Грицман

Голоса ветра

ИП «Центр современной литературы»

Грицман А. Ю.

Голоса ветра / А. Ю. Грицман — НП «Центр современной литературы»,

ISBN 978-5-91627-034-1

Поэт Андрей Грицман сознательно или интуитивно принадлежит к двум культурам стихосложения: русской и американской. Перемещение между двумя чужеродными просодиями не всегда органично, но в процессе утверждения собственного поэтического голоса автор добивается того, что звучание его стихов становится уникальным, узнаваемым, наподражаемым. В книге собраны поэмы, стихи и очерки, посвященные теме ветра: человек смог выстоять на ветру, почувствовать его свежую горечь, обрести надежду... Грицману удалось передать настроения тысяч наших соотечественников, рассеянных волею судеб по всему миру: и он продолжает служить родной речи, где бы ни находился.

ISBN 978-5-91627-034-1

© Грицман А. Ю.
© НП «Центр современной
литературы»

Содержание

Об авторе	5
Человек ветра	6
О ветре	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Андрей Грицман

Голоса ветра

Об авторе

Андрей Грицман родился в 1947 г. в Москве в семье врачей. Окончил 1-й Московский Медицинский институт им. И.М. Сеченова. С 1981 г. живет в США, работает врачом, специалист по диагностике рака.

Пишет по-русски и по-английски, публикуется в России с середины девяностых в журналах «Октябрь», «Новый мир», «Арион», «Вестник Европы», «Новая Юность», «Сибирские огни», «Зарубежные записки», «Новый журнал» и других.

Стихи и эссеистика по-английски публикуются в американской и британской периодике: «Richmond Review» (London, UK), «Manhattan Review», «New Orleans Review» и многих других. Стихи были включены в ряд международных антологий и переведены на несколько европейских языков. В 2008 г. вошел в шорт-лист престижной американской премии Pushcart Prize.

В 1998 г. закончил литературный факультет университета Вермонта со степенью магистра искусств по литературе.

Автор книг стихов «Ничейная земля» (Альманах «Петрополь»), 1995; «Вид с моста» (Слово-Word, Нью-Йорк, по-русски и по-английски), 1998; «Двойник» (Эрмитаж, США), 2002; «Пересадка» (Арион), 2003; In Transit (Бухарест, на английском и румынском языках), 2004; сборник стихов «Остров в лесах» (Пушкинский фонд, Санкт-Петербург) и книги стихов и эссе на английском Long Fall и Pisces (США).

Организатор международного клуба поэзии в Нью-Йорке и редактор журнала поэзии «INTERPOEZIA».

<http://magazines.russ.ru/interpoezia/>

<http://magazines.russ.ru/authors/g/gritsman/>

<http://www.antho.net/library/gritzman/index.php>

Человек ветра

Опорой нашей жизни по сей день остаются четыре универсальных элемента: «земля», «вода», «огонь» и «ветер», видимое, обоняемое, вкушаемое и осязаемое. Универсальные элементы являются не чем иным, как разновидностями осязаемого: им соответствуют твердость, гладкость, теплота и легкость (или же обратные: мягкость, шероховатость, холод и тяжесть). Термины предназначены не только для описания физических и физиологических явлений, они годятся и для описания психологических, символических, мифологических вещей. Юнг напоминает, что в арабском (и соответственно, в еврейском) слово ruh обозначает как «дыхание», так и «дух». Именно в этом смысле ветер воспринимают алхимики, о чем свидетельствует труд Ямсталера «Viatorium Spraguricum» (Франкфурт, 1625). Проведя классификацию ветров и пронумеровав в определенном порядке, он соотносит их с кардинальными точками, знаками зодиака, пытаясь раскрыть их космическое значение.

1

Обращение Андрея Грицмана к теме ветра, обретение основы именно в этой стихии, привело не только к расширению образа, столь любимого фольклором, но дало появление совершенно иного лирического типа, заставившего прочувствовать центробежное разбегание мира, потерю безопасности, уюта, при приобретении легкости передвижения и овладении огромными географическими пространствами. Главное, что может сделать поэт для укрепления и обозначения себя в литературе – создать некий доминирующий символ собственного существования. Пушкин с дуэльным пистолетом, Хлебников с наволочкой, полной стихов, Пастернак – вечный подросток (обычно опускается устойчивый эпитет «прыщавый»), Бодлер с раком на поводке, Паунд с глобальными песнями, Дилан Томас с валлийской деревенькой, возвысившейся до уровня вселенной.

Андрей Грицман (сознательно или случайно) стал «поэтом на ветру». Поэтом на мировом ветру. Причем создал такую поэтику, которая заставила смотреть на космополитичного «гражданина мира» не с позиций отечественного национального чванства, а как на что-то принципиально новое, ранее в поэзии диаспоры не наблюдаемое. Масштаб его обращения, высокая трагическая нота, взятая как бы наугад, оказалась подлинно пронзительной, явно более многозначной, чем пафос ностальгического прозябания или приправленный поэтической техникой и философией сентиментализм.

Я знаю, что ни на каком языке я снов не вижу.
Я не вижу снов на языке, но я верю,
мне голос какой-то иногда слышен...

А оказалось – дрожать на ветру насквозь
совсем не сложно.

Трудно сказать, что определило безусловную победу этого выбора: личный талант автора или сама тема, ставшая до боли знакомой тысячам современников, но то, что Грицман ввел в нее невиданный до этого трансцендентный градус, – это факт.

Аскеза, а поэзия для меня одна из ее разновидностей, может осуществляться двумя способами. Первый – вариант отшельничества, подразумевающий уединение в безлюдных местах. Второй – путь странника, оставившего родину, дом, друзей и любимых (путь «странствующего»).

щего рыцаря», например). Так вот, путь Грицмана может быть сравним с образом такого вот отрешенного путешественника, которому наш глобализированный мир предлагает более широкие способы самореализации.

Не трогайте регулятор веры,
вообще отойдите от гроба,
оставьте в покое.
Дайте дослушать как погасает
в бесплотном театре заката
бесплатное море, полотна Европы, бесплатное поле,
за семь шекелей пыльная Яффа,
и Ялта в вечерних огнях —
пересадка на Галлиполи.

Это из поэмы «Хамсин», говорят, за 50 дней царствования этого ветра в Леванте люди немного сходят с ума. Для печали у поэта есть и другие причины:

Любимая, приезжай скорее;
На это есть смертельные причины.
Четверть века – это совсем не время,
если влиться душой в бесконечное ускорение
и от дома вовремя найти ключи.

Лирика, доведенная до эпического уровня, благодаря синхронизации личного голоса с безличным рокотом ветра. Я не встречал в русскоязычной поэзии, написанной за рубежом, более трогательных и завораживающих вещей. Я тоже – «ветропоклонник», тоже когда-то именно в ветре находил опору во время моих перемещений по миру. Мне кажется, что «Хамсин» мог бы стать своего рода гипертекстом, включающим в себя вздохи и выкрики многих наших соратников по рассеянию. И это не литературный прием. Ветер служит универсальным музыкальным инструментом, способным подхватить наши множественные голоса, сложить их в молитву и псалом. Андрею Грицману, услышавшего голос Хамсина на своей исторической родине, это удалось.

2

Собственно, все равно в каком ландшафте стоит поэт: в индустриальном, архаическом, пасторальном... Ветер выравнивает все окружающее, обрушиваясь на пространство души, где все эти пейзажи присутствуют одновременно. И это, увы, не индивидуальное свойство личности, это положение вещей мира, где падение манхэттенских небоскребов и показ мандалы далай-ламы в Катманду находятся в одном измерении. Борьба с современностью бессмысленна, вопрос лишь в том, как ты распорядишься потоком информации, летящим на тебя вместе с ветром, какую тональность выберешь, не позволив душе расколоться на тысячи частиц и душ, как это, видимо, предполагается преобладающим образом жизни, а найдешь в себе силы выбрать одну-единственную. Индивидуализм не предполагает существования и развития личности, это – лишь набор детерминированных типов поведения, при котором шаг в сторону обречен на неприятие, а скорее всего – на равнодушие. Грицману этот раскол было преодолеть сложнее, чем многим. В одном из исповедальных очерков он пишет: «Мне пришлось долго ждать своего голоса. Но я дождался – и начал говорить «стихи» со своей собственной интонацией, и по-русски, и по-английски. Было внутреннее ощущение, что я

получил право голоса, и голос мой загрубел, «сел», и «сломался» в процессе коренного перелома, переселения и потери всего, что было домом...». В какой-то степени, я (и наши друзья по Нью-Йорку: Владимир Гандельсман, Владимир Друк, Ирина Машинская, Лиля Панн, Марина Адамович) были свидетелями становления этого голоса, происходящего на фоне стремительных (со стороны – непредсказуемых) переломах личной жизни, именуемых в приложении к биографии поэта – судьбой. По существу, гул, который транслировал поэт последнее десятилетие, с этой судьбой перекликался. И друзьям, думаю, нетрудно будет вычислить происхождение той или иной строчки в его стихах, другое дело, что общее ощущение от текстов (их можно даже не перечитывать) в какой-то момент кристаллизовалось, сложившись в ясную, целостную картину. Вчерашний добряк-медведь, изо всех сил старающийся не задеть плечом стеллажи фарфора в посудной лавке, наконец, нашел свое место под солнцем – он просто вышел из нелепого посудного магазина, именуемого «литературным процессом» и встал посреди площади на ветру. Оказалось, что это его положение позволяет не обращать внимания на кажущуюся небрежность рифмовки, произвольность ритмических сбоев, неточность формулировок, фонетическое несовершенство, влияние англосаксоники, отсутствие принадлежности к какой-то определенной традиции и школе, случайность образов и неразгадываемость метафор, переборы с объемом, строчные длинноты, интонационные незакругленности, исповедальные крайности, абстрактный гуманитарный подтекст, увлечение списками, зачарованность многообразием форм жизни и предметов, без явного предпочтения чего-то конкретного... Удивительно, что то, что и называется отсутствием стиля, в случае Грицмана этим стилем и стало. Причем сработало не привычное правило под названием «гни свою линию», не расчет на внушаемость аудитории, а именно ставка на ветер, на одну из главных стихий этого мира, которая есть не только шевеление воздуха, но и сам дух. А разговор духа всегда сложен, если не витиеват (есть надежда, что избежать эффекта «испорченного телефона» все таки можно): что скажет Господь, что услышит Моисей, как изложит услышанное Арон, что поймет народ... На мой взгляд, народ поймет. Потому что хочет, потому что это народу надо.

«Судить о себе, пожалуй, не рано,
но, всё же, не ясно, имеет ли смысл.
Потому что душа обрела язык
и заговорила вслух, не имея слуха,
говоря к имяреку».

3

«Второй ветер» этой книги ложится в долину Гудзона. Интонации меняются, уже-сточаются, строки укорачиваются до уровня афоризма или вновь растягиваются вместе длинными наплывами ветра. Поэт прожил в Америке тридцать лет: в предисловии говорит, что хотел бы поделиться впечатлениями. Что ж можно и так. О сложных вещах можно говорить просто. Итак, к какой классификации Ямсталера отнести этот ветер? На чем настоян он? Что привнесли в нее воды Гудзона, этой великой «кругосветной реки» Фени-мора Купера и Тома Вейтса? Андрей пишет о наших родных местах, радость узнавания мешается с взглядом свидетеля и наблюдателя.

Мы на время уходим, всего на неделю,
до начала недели,
а находим себя в безымянном мотеле

на смятой постели,
с цепочкой на двери.

Джаз дождя по окну
тарабанит неровную тему,
и гудит грузовик на развилке хайвея.
Ты лежишь и не веришь,
что это случилось с тобою.

Боже, как грустно узнавать себя в этих строках: и нет выхода? Почему, в конце концов, я уверовал в цельность, в возможность таковой? «Быть прямым в кривом, цельным в раздробленном». По-моему, ветер, как одна из самых чистых вещей на свете, к такому состоянию души, располагает. Более того, я скучаю по этому ветру. По ветру в долине Гудзона. Хотя меня в тех краях ветер нес в самую отчаянную неизвестность. Пусть мы и научились с некоторых пор чувствовать себя дома одновременно везде и нигде. Америка – не только сеть дорожных коммуникаций и благоустроенных отелей среди лесов и прерий. Грицман связан с культурой этой страны, принимает ее всерьез и, в силу своей вовлеченности в контекст, служит ей преданно и самозабвенно.

Здесь тени бредут великих безумных, потерянных в мире:
Эдгара, Уитмена, Аллена, Крейна.
Портовые краны висят, как судьба, как исчадие гари
над гнилью жилья, скорлупой ресторанов, мотелей,
и статуя светит над бездной знаменем веры.

Поэт за рулем. Опьянение скоростью также может менять природу души, способствовать ее переходу с одного уровня на другой. «Кочевник асфальта» – не обязательно прожигатель жизни, искатель сильных эмоций. Как ни странно, лучшие строки и мысли чаще всего приходят именно во время вождения автомобиля. Уход от профанного состояния к высокому может осуществляться самыми обыкновенными способами. Была бы на это воля поэта. Грицману этот «диониссийский порыв» к лицу, он – человек рискованный.

Летят за Бангором на север безбрежные мили —
на север, наверх, на Квебек, на дыханье Гольфстрима,
как детская память, синеют канадские ели,
и души заброшенных ферм проносятся мимо.

Самоиронией звучат последние строки поэмы, отколесившей вместе с автором все восточное побережье.

И привычно зажить по закону заморского кода,
по режиму химчистки и часа последнего трэйна.
Так уйдут в энтропию любви все последние годы.
Легкий троп озвучит мой путь в суете бесполезной.

Пора «энтропии любви» подходит к концу, приходит время чего-то более важного, истинного, того, для чего ты призван в этот мир. Человек, так долго стоящий на мировом ветру, способен, должно быть, идти и против ветра. Мужественности у поэзии Андрея Грицмана на это хватает.

Есть еще одно чувство, при чтении стихов Грицмана меня не оставляющее. С характером погоды мы определились – «было ветрено», а вот с местом... Не знаю по какой причине, но меня его стихи последних лет неумолимо возвращают на «граунд зеро», на могилу символических торговых башен-близнецов – удивлюсь, если событие 11 сентября 2001 года стало для кого-то лишь курьезной страницей истории. 2001 год мы встречали вместе, на горнолыжном курорте в Вермонте. Накрыли стол в отеле, включили телевизор, разговоры о поэзии перемежались незловивыми вздохами о том, что «родина нас забыла». За окном – настоящая зима, где «лапы у елей дрожат на весу», вполне по-русски побрякивают тройки с бубенцами (для туристов), «лыжи у печки стоят» и т. п. Господина Буша-младшего и жену его Лору Буш я впервые увидел непосредственно перед торжественным «боем курантов». Обсуждение было коротким. До физиономических оценок мы не опускались, манера речи слуха не покорила: удивила мешковатость нового президента, форма бровей домиком (я до сих пор размышляю, что может появиться в голове у человека, имеющего такую графику лица) и то, что передвигается он на чуть согнутых в коленях ногах. Общее мнение: нормальный мужик. Сойдет. А ведь оба пишем прозу! Внимательные вроде люди. В общем, Ломброзо поставил бы нам «неуд.», сто процентов. А ведь мы встречали новую эпоху, а не какой-нибудь очередной «симулякр»! Поутру лепили снежных баб, угощали друг друга коньяком, что так янтарен на солнечном снегу. Не могли даже представить, что еще чуть-чуть и «поедем... и помчимся».

Так вот. То ли по причине этих сладких воспоминаний, то ли потому что сам когда-то жил напротив Мирового Торгового Центра (через Гудзон) и писал собственные поэмы о ветре¹, лирический герой Грицмана всегда помещается в моем воображении неподалеку от зияющих пустот и вавилонских развалин двух бесславно погибших небоскребов. Поначалу трезвость Вайнбергера или эстетство Бодрийера казались кощунственными. «И свежей как заря удивлены утрате». Хуже. Мы плакали, словно утрата произошла в родной семье... Годы и расстояния смогли примирить нас с либеральными мыслителями. Остается пожать плечами. Да, это так.

«Во всех речах по поводу терактов и во всех комментариях опускаются заключенный в этом событии катарсис, и ослепление, им вызванное. Моральное осуждение, организация священного союза против терроризма – реакция соразмерна чудесному ликованию, заключенному в созерцании разрушения мировой мощи, больше того, созерцании ее саморазрушения, зрелище самоубийственной красоты. Поскольку именно красота, своим именем, разожгла всю эту ненависть, взрастила ее в мире, отчего и возникло это воображение терроризма, которое бессознательно живет во всех нас». (Ж. Бодрийер, Дух терроризма, «Le Monde», 2001).

И еще:

«С хронологической точностью можно констатировать, что в 10 ч. 28 мин. 11 сентября 2001, с крушением двух башен Всемирного торгового центра, воплотивших в себе мощь и блеск глобального капитала, закончилась эпоха постмодернизма. /.../ Реальность, подлинность, единственность – категории, которыми было принято пренебрегать в поэтике постмодернизма, основанной на повторе и игре цитат, на взаимоотражении подобий, – жестоко за себя отомстила». (М. Эпштейн. Взрыв, а не всхлип, 2001).

Для отечественной литературной полемики это – общее место, немного отошедшее на второй план, поскольку «надстройка по-прежнему определяет базис» повсеместно, чуть ли не самым законным образом. В России этот нонсенс, несмотря на родное моему сердцу отсутствие «родовой травмы» и «вопиющие пережитки феодализма», становится стилем жизни,

¹ В. Месяц. «Ход выветривания», Черновик, вып.12, Нью Джерси, 1997.

политики и культуры. Но «мы хотим умереть так же страстно, как вы хотите жить» – голос ветра.

5

В поэзии Андрея Грицмана этот самоубийственный акцент тоже слышан, пусть речь «о священном море Байкал», о «холмах Грузии печальной», или в прочих «мексиканских дивертисментах». Стихи его также подвержены «ходу выветривания», «расщеплению сознания», «астеническому синдрому» «нафосу саморазрушения», лишней раз подтверждая, что «мы – не врачи (пусть А.Грицман – практикующий доктор), мы – боль.

Побег на восток —
Единственный путь на запад,
На запах, на слух, на вдох.
Медные звезды в безучастном небе.
Города – осколки света во мхах.

Восток призвал когда-то к избавлению от боли, запад загнал ее внутрь и подсел на прозак. Мне пассивность такой позиции не близка (неконструктивно), но в том то и дело, что боль, отданная ветру, уже не боль и даже не жалоба. Такая речь имеет потенциальную возможность стать призывом, гимном, псалмом, далеко превосходящими все любовные марсельезы. О базисе и надстройке, о месте поэзии в иерархии цивилизации у меня особое, на первый взгляд, слишком резкое мнение. Не вдаваясь в детали, скажу, что именно поэзия и призвана этим базисом быть. Положение «изящной бездельницы», «отдушины», «средства общения и времяпрепровождения» унижительно. Поэзия должна быть чем-то гораздо большим: не гуманитарной величиной, а универсальной, общечеловеческой и даже сверхчеловеческой. Терапевтическое амплуа не годится. Я говорю о силе поэзии, о власти, которую она должна себе вернуть. Хотя бы потому, что «вначале было Слово». Не думаю, что эти соображения пришли мне на ум в разговоре о стихах Андрея Грицмана случайно. В обществе явственно возникает требование к искусствам и поставляемому ими опыту «перебросить мостик над разделяющей дискурсы познания, этики и политики бездной и проложить, таким образом, путь к некоему единству опыта. У этой всеобщей тенденции есть один безошибочный признак: главной задачей становится ликвидация наследия авангардов»². Инстинктивное желание эти тенденции поддержать (мое, в частности) на сегодняшний день представляется мне сомнительным. Вторичность авангардных практик, их бессмысленное вялое копирование достойно упрека и раздражения, но на другом полюсе я вижу нечто еще худшее – политический академизм, призыв к порядку, желание единства, идентичности, безопасности, общедоступности, все, что может уберечь сознание людей от сомнения. Единство и целостность возможны лишь при наличии в обществе неоспоримой духовной цитадели, а ее нет и, боюсь, уже не будет. В этом смысле остается надеяться только на себя, и на людей своего типа: генетически он природою сохранен, а писательство, следующее моде и эклектике во времена отсутствия эстетических критериев, можно вообще не принимать в расчет. В конце концов, всегда побеждают вера и способность на риск.

«Ты сумасшедший, не сиди на сквозняке!» – голос из давней глубины, несравнимый, незабываемый, дальний, возвращающий в нереальную относительную реальность, напоминающий то, что ты еще жив, голос звучит, и чертова зажигалка гаснет на ветру, рвущимся из гавани, открытой всем ветрам и не прикурить, если не сложить ладони, прикрыв от ветра.» Удер-

---

² Измененные цитаты из Ж.Ф. Лиотара и Ю. Хабермаса.

жаться можно. Особенно, когда в качестве опоры используешь одну из основополагающих стихий. Родную речь.

Оказалось всё гораздо яснее и проще:
ничего нет и ты наедине
со своим детством
и своей речью.

Вадим Месяц, Ясенево, 30 окт. 2009

О ветре

«Монах волосатыми пальцами книгу захлопнул – сентябрь. Посеял Язон...» – переводные четкие блики слов, залетевшие из юности. Ветер поднимается и стихает. Ветер носит много имен. Сносит преграды. Это воздух, которым мы дышим, он уносит лепестки, листки с незаконченным текстом, листает страницы книги и вдруг открывает случайно на нужной странице, стихает и остается текст, буквы открыто смотрят на мир, в то время как другие прищурились, зажмурились и спрятались в бумажных ущельях закрытых страниц.

«Ветер по морю гуляет и кораблик подгоняет» – набор незаменимых слов, брошенных на ветер, детская переводная картинка ветра, залетевшая в душу навсегда. Ветер – движение. «Список кораблей прочел до середины». «На головах царей божественная пена». Обрывки этой пены летят к нам через столетия, через страшные ледяные глыбы Колымы и вечной арктической ночи, где сатана правит свой безъязыкий бал в адском лунном сиянии.

Но где-то в районе Леванта, над морем среди земли, струи хамсина встречаются с нежным дыханием мистралья и смешиваются в потоки живой прозрачной воздушной воды и там – живет человек, и плывут строки, строки, как лепестки, обрывки. Потом – воздух холодеет, шуршит стекленеющая осенняя листва, замерзшие брошенные газеты с замороженной позавчерашней жизнью, но все равно – жизнью. Это движение, ветер, порыв, вектор, кровообращение, когда сердечные клапаны хлопают, как чистый флаг на ветру.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.